

Й.М. ХЁНЕ-ВРОНЬСКИЙ (1776–1853), СЛАВЯНСКИЙ МЕССИАНИЗМ И «ВЫСШИЙ ЗАКОН»

Виктор Троицкий

В статье рассматриваются ключевые концепты математика и философа Йозефа Мари Хёне-Вроньского (Józef Maria Hoene-Wroński) – «мессианизм» и «алгоритмизм». Эти концепты были введены им в культурный оборот Западной Европы, а объединяющей их общей отраслью знания можно считать «философию действия». Подчеркивается, что проект «мессианизма» Вроньского радикально расходится с так называемым польским мессианизмом, выстраиваемым А. Мицкевичем и его последователями. В отличие от них, Вроньский разворачивал свой проект, во-первых, ставя «вселенскую» задачу для всех славянских народов и проводя идею о высоком предназначении России в судьбах Европы вообще и славянства в особенности, во-вторых, возводя программу «мессианизма» на сугубо рациональном основании, что требовало радикальной реформы математики. Проект реформы математики (как «алгоритмизма») Вроньского был представлен им в многочисленных публикациях, некоторые из них адресовались правящим особам Европы и Российской империи. Предпринимается попытка расшифровки и интерпретации надгробной надписи (ныне утрачена) на могиле философа, находящейся на кладбище Нёйи-сюр-Сен в пригороде Парижа. Полезной при этом оказывается книга историка математики В.В. Бобынина, в которой дана адекватная оценка идей польско-русско-французского мыслителя. Указываются также иные отечественные и зарубежные исследователи, проявлявшие интерес к изучению наследия Хёне-Вроньского: князь В.Ф. Одоевский, библиограф В.М. Андерсон, математик С. Банах, философ В.Н. Муравьев, богослов игумен Геннадий (Эйкалович).

Ключевые слова: мессианизм, алгоритмизм, философия действия, философия математики, Й.М. Хёне-Вроньский, В.В. Бобынин.

Библиотека-музей «Дом Лосева»,
Москва

The article deals with the key concepts of the mathematician and philosopher Józef Maria Hoene-Wroński – “messianism” and “algorithmicmism”. These concepts were introduced by him into the cultural and scientific circulation of Western Europe, and the common branch of knowledge that unites them can be considered “philosophy of action”. It is emphasized that Hoene-Wroński’s project of “messianism” radically diverges from the so-called Polish messianism developed by Adam Mickiewicz and his followers. In contrast to them, Hoene-Wroński justified his project, firstly, by setting the “universal” task for all Slavic peoples which implied the idea of the key role of Russia in the fate of Europe in general and the Slavs in particular, and secondly, by providing the programme of “messianism” with a purely rational argumentation, which required a radical reform of mathematics. Hoene-Wroński’s project of mathematics reform (interpreted as “algorithmicmism”) was presented by him in a number of publications, some of them addressed to the ruling personalities of Europe and the Russian Empire. The author of the article tries to decipher and interpret the tomb inscription (now lost) on Hoene-Wroński’s tomb in the cemetery of Neuilly-sur-Seine, located in the suburbs of Paris. By doing this, he refers to the book by the Russian historian of mathematics Viktor V. Bobynin, in which there is an adequate assessment of the teachings of the Polish-Russian-French thinker. Some other works written by Russian and foreign researchers (Prince Vladimir F. Odoyevsky, bibliographer Vladimir M. Anderson, mathematician Stefan Banach, philosopher Valerian N. Muravyov, theologian Hegumen Genady (Eikalovich) who were engaged in the study of Hoene-Wroński’s ideas are also mentioned and considered.

Keywords: messianism, algorithmism, philosophy of action, philosophy of mathematics, Józef M. Hoene-Wroński, Viktor V. Bobynin.

Обратимся здесь, по необходимости кратко, к двум сложным идеям-концептам из творческого наследия Йозефа Марии Хёне-Вроньского (Juzef Maria Hoene-Wronski)¹ – *мессианизм* и *алгоритмизм*, обратимся с тем, чтобы в дальнейшем показать важную взаимосвязь этих идей, а также до сих пор, кажется, мало замечаемую исследователями, их потенциальную значимость для истории отечественной философии.

Польский сегмент всемирной паутины, в зачине именной статьи из мега-проекта Wikipedia, свидетельствует о нашем герое следующее: «полигистор: математик, физик, философ, экономист и юрист; он служил офицером в армии Тадеуша Костюшко, а затем в русской армии. Представитель польской мессианской философии, он ввел понятие мессианства, которое впоследствии часто использовал Адам Мицкевич, что и было причиной споров между этими двумя людьми» [5].

Следует прибавить: сын польки-мамы и отца-чеха, длительное время получал пенсию от российского императора, он всегда, похоже, ощущал себя космополитом, явственно дистанцировался от упомянутых «польских мессианистов» и декларировал мессианизм общий, «славянский», он же всю жизнь сочинял многочисленные трактаты только по-французски, оставил значительный след в истории математики (широко используется «вронскиан» – функциональный определитель, необходимый для решения систем линейных дифференциальных уравнений), а также след довольно странный – в романе Оноре де Бальзака «Поиски Абсолюта» (1834). Длительное время жил в Париже, похоронен иезуитами на загородном кладбище коммуны Neuilly-sur-Seine (Нейи-на-Сене, ныне район Парижа).

Заглянем на упомянутое старинное кладбище, вернее, в один редкостный каталог надгробных надписей, составленный по материалам французских некрополей известным российским библиографом Владимиром Максимилиановичем Андерсоном (1880–1931), незадолго до Октябрьского переворота.

Взятая отсюда запись-фиксация соответствующей эпитафии и комментариев к ней как раз и сообщает нужные нам формулировки идей мыслителя, которого, судя даже по общему названию каталога, прямо относили здесь к сонму российских, именно, деятелей:

Гене-Вронский (Hoene-Wronski), Иосиф-Мария,
р. в Польше 27 августа 1778² † в Neuilly 9 августа 1853.
L'acte de chercher la vérité accuse le pouvoir de la trouver³.
Lex suprema⁴

¹ Данная фамилия, заметим, в разных источниках транскрибируется с вариациями. Далее по тексту мы сохраняем эти вариации, не сводя к единому написанию.

² Видимо, ошибка Владимира Андерсона: должно быть 1776 г., как указано в современных источниках. Так, на новом надгробии (установлено в 1938 г. взамен прежнего, обветшавшего) значится «24 août 1776», но, впрочем, не присутствуют уже никакие математические формулы.

³ Поиск истины делает возможным ее нахождение (*фр.*).

⁴ Высший закон (*лат.*).

$$Fx = A_0 \Omega_0 + A_1 \Omega_1 + A_2 \Omega_2 + \text{etc.}$$

Τελειωσις¹

$$x^m \equiv A \pmod{M}$$

Problema universale²

$$O = f x + x_1 f_1 x + x_2 f_2 x + \text{etc.}$$

A. M. D. G.³

Математик и философ мистического направления, автор многочисленных работ, в которых (см., напр., «Le destin de la France, de l'Allemagne et de Russie, comme prolégomenes du Messianisme») проводится идея о высоком предназначении России в судьбах Европы вообще и славянства в особенности.

Вся «математическая» часть надгробия в данное время уже крайне попорчена, и текст ее восстанавливается по записи, сделанной мною же на месте в 1898 г.» [7, с. 19–20].

Итак, мы встречаем три, можно сказать, спасенные для нас автором каталога фундаментальные формулировки Хёне-Вроньского (вероятно, они были помещены на надгробии по воле их автора), посредством которых он оставлял человечеству свое идейное завещание. Воспользуемся далее образцовым исследованием [1] Виктора Викторовича Бобынина (1849–1919), известного историка математики, чрезвычайно высоко оценившего как саму фигуру польско-русско-французского мыслителя, так и подлинно философское содержание его многочисленных трудов. Исследование позволит, надеюсь, развернуть или даже расшифровать, пусть отчасти, идейное содержание этого завещания.

Прежде всего, из обзора В.В. Бобынина сразу извлекаются некие ключевые термины-концепты, интегрально передающие специфику всего проекта Вроньского. Таковы, прежде всего, едва ли не впервые столь широко вводимые в язык европейской науки и философии термины *алгоритмическое* и, в целом, *алгоритмия* [1, passim], а также, принятая Вроньским вслед Иммануилу Канту, философская *архитектоника* [1, с. 26, 63]. Эти слова-концепты дают нам право, генерализируя, охарактеризовать новую математику и новую философию Вроньского, выражаясь языком XX в., как *принципиальный конструктивизм* или, если переходить на терминологию автора, как *принципиальный алгоритмизм*.

Далее, В.В. Бобынин точно указывает на основной источник, хорошо дающий «общедоступное изложение философской доктрины Вроньского» [1, с. 15], – книгу «Абсолютная философия истории» [7], где известная нам намогильная «трехэтажная» формула достаточно четко обрисована самим автором [1, с. 7–8, 18–19], и уже от себя В.В. Бобынин величает ее «общей эмблемой его учения» или «эмблемой Мессиянизма» [1, с. 18]. Наконец, и подробнее, В.В. Бобынин излагает некоторое *идейное обоснование* этих формул, сначала философско-логическое [1, с. 15–24], а затем

¹ Исполнение, приведение к результату (*греч.*).

² Универсальная проблема, всеобщая задача (*лат.*).

³ Аббревиатура девиза ордена иезуитов: *ad maiorem Dei gloriam*, «к вящей славе Божией».

(мы его, к сожалению, опускаем) и чисто математическое, или алгоритмическое [1, с. 24–84].

Философско-логический, а местами и богословско-мистический путь мысли Хёне-Вроньского, в обрисовке В.В. Бобынина, предстает таковым¹:

1) он, прежде всего, полагал преодолеть известное «всеобщее смешение идей» и установить «новый умственный порядок», целиком уповая на «пришествие Святого Духа» [2, с. 15], каковое пришествие однажды позволит, утверждал автор,

2) «сформировать *абсолютный человеческий разум*» [1, с. 15], причем он, как «верховная способность» человека, даже сейчас вполне осуществим,

3) если принять некие «высшие условия», которые уже ясны были автору («мы дошли, к счастью, до познания...» [1, с. 15]), и состояли, утверждал Вроньский, «в двух первоначальных божеских законах», а именно,

4) «в *законе творения*, господствующем над действием и развитием *свободы*» [1, с. 15], а также

5) «в *законе назначения*, который, составляя истинный закон прогресса, господствует над действием или развитием *необходимости*» [1, с. 16].

Вроньский торжествовал: «Мы дошли даже до открытия внутреннего строения этих двух основных законов мира» [1, с. 16]. Строение их таково:

6) «из закона творения, господствующего над творением всякой системы реальностей, непосредственно следуют три *основных закона* каждой такой системы, именно 1) ее *верховный закон (Loi suprême)*», 2) ее *конечное совместничество (Concours final)*, определяемый автором как «*взаимное влияние или гармония* двух первоначальных элементов», которыми он принимает элемент-знание и элемент-бытие), как принцип конечности, и 3) ее *всеобщая задача (Problème Universel)*, как задача, «имеющая предметом *общую цель* всех задач в системе реальностей» [1, с. 17].

Каждому из этих структурных законов, очевидно, придается не только метафизический, но и вполне, как представляется, мистический характер:

7) «*Верховный закон*, согласно со своим именем, должен быть первым основанием всякой системы сотворенных реальностей», он есть «начало расположения созданных реальностей независимо от влияния человека», и «сообщает сведения о творении, чуждом для человека, составляющем его *гетерономию*» [1, с. 17],

8) «*Всеобщая задача*... служит для установления во всякой системе совокупности реальностей, незаконченных в этом особом порядке творения», это – «выполнение, которое, вводя во вселенную новые или несуществующие реальности, обнаруживает творческую способность человека», т.е. «его *автономию*» [1, с. 17–18],

¹ Далее во всех цитатах выделения слов курсивом принадлежат Вроньскому.

9) «*Конечное совместничество*, начало которого является скрытым... и некоторым образом зависящее от Провидения, служащее для установления гармонии в этой системе реальностей», оно «образует во всякой ветви человеческого знания венец творения», чем позволяет «засвидетельствовать его святое существование, то есть *рациональность* творения» [1, с. 18].

Резюмируя, скажем так: первый закон выражает *гетерономию*, второй – *рациональность*, третий – *автономию* знания.

Опишем теперь место трех основных «законов мира» Хёне-Вроньского в их «последовательном приложении к “системе реальностей”, составляющих математику» [1, с. 19], а также, как вскоре увидим, и физику. Подчеркнем, что автор рассматривал реформу математики, представленную этими законами, как «прототип всего человеческого знания» [1, с. 18]. Знания – именно всего целиком!

Искомый *общий топос* математики хорошо отображался, по мнению В.В. Бобынина, в программе «Европейских Бесед», каковую Вроньский сформулировал незадолго до своей кончины. Материалы введения к этим «Беседам» как раз использовались далее, в изложении и анализе В.В. Бобынина.

Итак, «реформа математики», или «приведение Алгоритмии к трем основным законам наук» [1, с. 19] предполагалась следующим образом:

I – *верховный закон* охватит элементарные (следует их различать!) технические и теоретические алгоритмы: ряды и непрерывные дроби, интерполяцию, а также «*неопределенные* теоретические алгоритмы, образующие *Будущее науки*» [1, с. 20];

II – *всеобщая задача* математики «и ее также всеобщее решение» охватит: общее решение «уравнений, *имманентных* всех степеней и *трансцендентных* всех порядков», а также общее интегрирование «уравнений с *разностями* и с *дифференциалами*, полными и частными» [1, с. 20];

III – *телеологический закон* (еще и так величает автор «конечное совместничество»), который должен «основать истинную Теорию Чисел», а также охватить решения «*сравнений* всех степеней и всех порядков» и «*неопределенных* уравнений всех степеней и всех порядков» [1, с. 20].

Следом предлагалась «прикладная часть математики», на основе тех же трех законов, ради «решения трех великих задач физического мира»:

A) «построение *Мира* через *Небесные Тела*», т.е. «реформа Небесной Механики» [1, с. 20],

B) «построение *небесных тел*, в частности Земли, через *Материю*», т.е. «реформа Земной Механики» [1, с. 21],

C) «построение *Материи* через ее *Творческие силы*», т.е. «реформа Физики» [1, с. 21].

Отметим, что автор не распространял в подробностях эти «великие задачи» на составляющие, над которыми возвышаются названные «три закона»; чуть намечена была только прикладная часть «новой философии» для постижения «нашей *Солнечной Системы*»:

а) *основной закон*, «установленный вполне a priori», избавлял бы экспериментальные законы И. Кеплера и И. Ньютона от «характера эмпиризма»;

б) *телеологический закон* превращал небесную механику в «науку порядка», избавив ее от «исчисления мнимых пертурбаций»;

с) *всеобщая задача* воплощалась в виде «окончательного решения знаменитой задачи трех тел» [1, с. 20–21].

Таков, вкратце, философско-логический путь мысли Хёне-Вроньского, в такой математизированной форме водрузившего свою «эмблему Мессианизма». Как уже было сказано, в работе В.В. Бобынина детально рассмотрена также специально-математическая сторона интересующих нас «законов мира». Эту особую сторону приходится здесь опустить¹. Стоит только обратить внимание, что соответствующая часть обзора у В.В. Бобынина строилась на еще одной работе Вроньского, известной под названием «Введение в философию математики, и Техния Алгоритмии» [9], которая была опубликована с посвящением Императору Александру I. Да, именно ему, Российскому самодержцу эта *развернутая научная программа* преподносилась с большими надеждами и упованиями. Достоверно не известно, доходили ли подобные специальные послания Вроньского до правительства России и других властей имущих; здесь располагается, конечно, интересная тема для новых исследований.

Впрочем, для иллюстрации богатых возможностей и многообещающих перспектив, заложенных в практической части математического мессианизма (или математики-мессианизма) Вроньского, приведем одну «элементарную» математическую задачу и любопытный подход к ее решению. В свое время этот материал входил в очередное послание автора к европейским правителям, здесь – к французскому принцу Луи-Наполеону [10]. Данный пример был использован и не без особой заинтересованности рассмотрен в недавнем коллективном труде польских философов и математиков [6], между прочим, обнаруживших в старых трактатах Вроньского внушительный список приемов и методов, лишь к концу XX в. заново открытых и реально осмысленных в современной математике.

В обсуждении Р. Pragacz'a, главного редактора и составителя названного сборника, в главе «Listy do władców Europy» [6, с. 17–18] читаем (в переводе и в изложении):

Вроньский предлагал отнестись к социальному обществу и управлению им строго научно, т.е. с применением особо организованной «алгоритмии». Для этого им вводились два ключевых показателя для оценки:

a – «степень анархии» в обществе,

d – «степень деспотизма» в обществе,

¹ После В.В. Бобынина философско-математическому проекту Вроньского уделил внимание выдающийся математик Стефан Банах [4]. Он, в частности, дал строгую интерпретацию «верховного закона» Вроньского и установил прямые связи этого «закона» с современной теорией функций (в том числе речь идет о так называемых банаховых функциональных пространствах).

причем оба показателя задавались универсальными уравнениями в виде произведений «взвешенных сумм»:

$$a = \left(\frac{m+n}{m} \cdot \frac{m+n}{n} \right)^{p-r} \cdot \left(\frac{m}{n} \right)^{p+r} = \left(\frac{m+n}{n} \right)^{2p} \cdot \left(\frac{m}{m+n} \right)^{2r},$$

$$d = \left(\frac{m+n}{m} \cdot \frac{m+n}{n} \right)^{r-p} \cdot \left(\frac{n}{m} \right)^{p+r} = \left(\frac{n}{m+n} \right)^{2p} \cdot \left(\frac{m+n}{m} \right)^{2r},$$

где m – число членов либеральной партии,

p – отклонение философии либеральной партии от истинной религии,

n – количество членов религиозной партии,

r – отклонение религиозной партии от истинной философии.

По Вроньскому, для случая тогдашней Франции следовало, ради упоминания и большей конкретности, принимать $p=r=1$, а также $m/n=2$.

При таких условиях получается $a=4$, $d=1/4$; это означает, что политическая свобода во Франции времен Вроньского была в четыре раза больше нормы, а власть правительства составляла одну четверть того, что необходимо. Здесь современный исследователь осторожно комментирует: «Применение вышеприведенных формул к нынешней политической реальности было бы, как минимум, интересно» [6, с. 18].

Для завершения, остается указать три, по меньшей мере, свидетельства пристального интереса русских мыслителей к философскому наследию Хёне-Вроньского. Интерес, не ослабевшего ни в XIX, ни в XX вв. Для первого отрезка культурной истории, прибавляя к В.В. Бобынину, следует назвать князя В.Ф. Одоевского и его разработку концепции духовной эволюции человечества в сторону союза религии, науки и искусства (здесь очевидна перекличка с интегрирующей телеологией «мессианизма»). В личной библиотеке князя отложилось целых восемь различных изданий трудов Вроньского, причем в двух из них, как свидетельствует описание ее каталога, содержатся многочисленные пометы и развернутые заметки¹ хозяина книжного собрания [3, с. 478–479]. Далее, среди исследований XX в. нельзя не заметить специальную диссертацию игумена Геннадия (Эйкаловича), защищенную в 1953 г. в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже (защита в присутствии прот. В.В. Зеньковского). Всестороннее исследование игумена Геннадия весьма убедительно, на наш взгляд, показывает, сколь для многих важных идей в русской религиозно-философской мысли можно (и следует) отыскивать «предчувствия и предвестия» в творчестве Й.М. Хёне-Вроньского. Тот же игумен Геннадий находит для этого творчества точную и, одновременно, торжественную характеристику: «Вронский называет свою доктрину АБСОЛЮТНОЙ философией, так как она

¹ Особенно много маргиналий В.Ф. Одоевского содержит издание «Le destin de la France, de l'Allemagne et de Russie, comme prolégomenes du Messianisme» (1842), о котором (единственном) упомянуто в рассмотренном выше каталоге эпитафий В.М. Андерсона.

имеет своим основанием Абсолют, а также МЕССИАНИЗМОМ, так как ее целью является определение *последних судеб человечества*» [2, с. 34].

Наконец, в некоторых трудах Валериана Николаевича Муравьева (1885–1930), относящихся к 1920-м гг., обнаруживаются самые прямые связи и переклички с мессианизмом, в понимании Вроньского (см. рукописи В.Н. Муравьева «Мессианские акты русской истории», «Философия действия»¹) и его принципиальным алгоритмизмом (см. статью «Всеобщая производительная математика»). Определенно можно считать, что В.Н. Муравьев был во многом вдохновлен идеями Й.М. Хёне-Вроньского и стремился их развивать. Другое дело, сколь многое он успел высказать и насколько ему позволили применять эти идеи в условиях разрухи и нестроений молодой Советской России.

Настоящей заметкой хотелось бы привлечь внимание современных исследователей отечественной философии и культуры к этому замечательному и, к сожалению, до сих пор плохо изученному творческому наследию мыслителя, едва ли не первым столь храбро и столь основательно учившего о миссии человечества и важнейшей части умений и призваний человека разумного – алгоритмическом подходе.

Литература

Исследования

1. *Бобынин В.В.* Гоёне Вронский и его учение о философии математики / Биографии знаменитых математиков XIX столетия. Вып. III. М.: Тов. типографии А.И. Мамонтова, 1894.
2. *Игумен Геннадий* [Эйкалович]. Закон творения: очерк философской системы И.М. Гоэнэ-Вронского. Буэнос-Айрес: Альфа–Омега, 1956.
3. Каталог библиотеки В.Ф. Одоевского / Сост. указателей: О.А. Титова, В.Р. Шопина. М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина, 1988.
4. *Banach S.* Über das “Loi suprême” von J. Hoene-Wroński // Bulletin Intern. de l’Académie Polonaise des Sciences et de Lettres, Sér. A (1939). S. 450–457.
5. Józef Hoene-Wroński. URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Józef_Hoene-Wroński.
6. HOENE-WROŃSKI: Życie, Matematyka i Filozofia. Warszawa: Instytut Matematyczny PAN, 2008.

Источники

7. [Андерсон В.М.] Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1: Париж и его окрестности / [Изд.] вел. кн. Николай Михайлович. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915.
8. *Hoene-Wroński J.M.* Philosophie absolue de l’histoire ou Genesè de l’humanité. Historiosophie ou science de l’histoire. Paris: Amyot, 1852.
9. *Hoene-Wroński J.M.* Introduction à la Philosophie des Mathematiques, et Technie del’Algorithmie. Paris, 1811.

¹ Как мне представляется, именование «философия действия», данное В.Н. Муравьевым для нового направления философской мысли, им разрабатываемого, характеризует и существо исканий Вроньского, вполне может быть к ним адекватно применимо.

10. *Hoene-Wroński J.M.* Epître secrete à son Altesse le prince Louis-Napoléon, Dépôt des Ouvrages Messianiques. Metz, 1851.

Troitsky, Viktor P. J.M. *Hoene-Wroński (1776–1853), Slavic messianism and “supreme law”*

References

1. Bobynin, V.V. (1894), *Goyone Vronskiy i yego uchenie o filosofii matematiki / Biografii znamenitnykh matematikov XIX stoletiya* [Hoene-Wroński and His Doctrine on the Philosophy of Mathematics / Biography of Famous Mathematicians of the 19th Century], issue III, Tov. Tipografii A.I. Mamontova, Moscow (in Russian).
2. Hegumen Gennady [Eikalovich] (1956), *Zakon tvoreniya: ocherk filosofskoy sistemy I.M. Goene-Vronskogo* [The Law of Creation: An Essay on the Philosophical System of I.M. Hoene-Wroński], Alfa–Omega, Buenos Aires (in Russian).
3. Titova, O.A., & Shopin, V.R. (index compilers) (1988), *Katalog biblioteki V.F. Odoevskogo* [Catalogue of the Library of V.F. Odoevsky], Lenin USSR State Library, Moscow (in Russian).
4. Banach, S. (1939), Über das “Loi suprême” von J. Hoene-Wroński, *Bulletin Intern. de l’Académie Polonaise des Sciences et de Lettres, Sér. A*, pp. 450–457.
5. Józef Hoene-Wroński, URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Józef_Hoene-Wroński.
6. (2008), *HOENE-WROŃSKI: Życie, Matematyka i Filozofia*, Instytut Matematyczny PAN, Warszawa.